
ЯДОВИТЫЙ
БРИЛЛИАНТ

Любовь Риджик

Ядовитый бриллиант

https://litres.ru/75040503
SelfPub; 2026

Аннотация

Самое дорогое часто бывает самым хрупким. А попытка удержать его любой ценой иногда превращается в яд.

Это не учебник и не приговор. Это просто кусочек жизни. О Вере. О Марке. О том, что было до, и о том, что чуть не случилось после. Название «Ядовитый бриллиант» — про это. О том, как что-то светлое может одновременно греть и ранить.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Первое сентября. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Любовь Риджик
Ядовитый бриллиант

Пролог

В полумраке детской четырёхлетний Ванечка уже почти спал. Он крепко прижимал к груди потёртого плюшевого зайца — того самого, что подарил ему папа Дима.

Марк сидел на краю кровати, уставший, с потухшими глазами, и монотонно читал вслух детскую книжку. Голос у него был хриплым.

Ваня приоткрыл один глаз и тихо спросил:

— А мама когда вернётся?.. И привезёт мне йогурт? Она же обещала ещё неделю назад.

Марк сглотнул вязкую слюну.

— Скоро, Ваныч. Спи давай.

Через пару минут дыхание малыша выровнялось, он заснул. Марк осторожно поцеловал его в тёплый лоб, поправил сползшее одеяло, щёлкнул выключателем ночника и бесшумно вышел из комнаты.

Проходя мимо родительской спальни, он на секунду замер. Луч света из коридора падал на тумбочку возле кровати, ярко освещая золотые часы Дмитрия. Потёртые, старые, со знакомой трещиной на стекле, но всё еще шедшие. Тик-

так… тик-так…

Марк вошёл в комнату, взял их в руку, вспоминая, как появилась эта трещина — они тогда возились в гараже. На губах мелькнула слабая, горькая улыбка. Дмитрий не был ему родным отцом, всего лишь отчим. Но для Марка это был самый дорогой, самый близкий и надёжный человек в мире. Настоящий отец.

Марк присел на кровать со стороны Дмитрия. Матрас под ним глубоко прогнулся.

— Да, Дима ведь весил сотню, — усмехнулся про себя парень.

Из комнаты было непривычно и жутко тихо. Раньше, когда Дмитрий был дома, из этой спальни вечно доносились звуки: его раскатистый смех, привычный храп, ворчание на телевизор во время вечерних новостей. Без всего этого квартира казалась пустой коробкой.

Вымотанный бесконечной больничной тревогой последних недель, Марк сам не заметил, как прилёг на эту кровать и провалился в тяжёлый, мутный сон.

*****

В 4:04 телефон на тумбочке разорвал тишину, словно удар током.

Марк вздрогнул, резко сел. На экране ярко высветилось имя: **Иосиф Васильевич**.

Врач? Что такое? Почему среди ночи?

Рука дрогнула, когда он провёл по экрану:

— Алло?

— Марк… — голос доктора в трубке был чужим и мёртвым. — Сердце не выдержало. В три пятьдесят девять мы его потеряли. Прости.

Пять слов.

Мир вокруг Марка раскололся и рухнул.

***

А за несколько кварталов от больницы в это же самое время телефон звонил у Веры.

Она дежурила на ночной смене, отчаянно цепляясь за любую работу, чтобы оплатить счета за лечение. Когда Иосиф Васильевич позвонил ей первой и произнёс ту же страшную фразу, Вера сорвалась с места. Забыв переобуться, в рабочей форме и накинутой поверх зимней куртке, она бежала сквозь ночной мороз к больнице, задыхаясь от слёз: только успеть, это ошибка, такого не может быть…

Они столкнулись у главного входа в больницу. Одновременно — она прибежала от квартала с работой, он выскочил из затормозившего такси.

Вера задохнулась от крика, когда увидела его лицо. В нём не было слёз. Только ледяная, абсолютная пустота.

— Марк… — выдохнула она.

Он посмотрел на неё — сверху вниз, чужим, стеклянным взглядом, в котором сгорело всё. В его кармане тяжело и глухо позвякивали старые отцовские часы.

Марк молча обошёл её и шагнул внутрь. Тяжелая больничная дверь медленно закрылась за его спиной.

Глава 1. Первое сентября.

Серое ноябрьское небо висело над городом так низко и грязно, будто промасленный, пролежавший на сыром полу ватный матрас. Ветер пробирал до костей, но Марк шёл медленно, нарочно шагая по замерзшим лужам, под которыми звонко хрустел тонкий лед. Из больницы он возвращался один.

Вера осталась улаживать неизбежные больничные формальности и забирать вещи, а его отправила вперед — домой. В кармане куртки лежал сложенный вдвое листок с сухими, ничего не объясняющими строчками. Дима лежал в больнице слишком долго — недели тянулись вязко, с призрачной надеждой на поправку, но этой ночью всё оборвалось.

Марк поднялся по лестнице, вставил ключ в замок и тихо отворил дверь.

Квартира встретила его мёртвой, звенящей тишиной. Никакого запаха свежего кофе или табака — только холодный сквозняк из приоткрытой фортунки. Марк сбросил кроссовки и замер, уставившись на коврик. Там, аккуратно расставленные носками к стене, стояли огромные, стоптанные рабочие ботинки Дмитрия сорок четвертого размера. Те самые, в которых он уходил на плановую госпитализацию много недель назад, уверенный, что скоро вернётся. Шнурки бы-

ли небрежно завязаны. Внутри что-то надломилось окончательно. Марк отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает горячий ком.

Он прошёл на кухню. Пустая плита, вчерашняя каша в тарелке, которой старший брат так заботливо кормил Ванечку перед сном. Марк опустился на табурет, уставившись в пустую, чистую столешницу. И память, словно издеваясь, услужливо вытащила из глубин другую картинку.

…Ровно два года назад. Первое сентября.

Марку тогда было четырнадцать — он переходил в девятый класс, люто переживая из-за каждого прыща на лице и считая себя центром вселенной, которому жизненно необходима максимальная солидность. Он шёл к школе, надеясь затеряться в толпе.

Но у самых ворот его ждали они.

Дима вырядился в свой парадный костюм — серо-синий, в крупную клетку, сшитый на его мощную фигуру так, что пуговицы едва не трещали, а на шее красовалась нелепая ярко-красная бабочка. На щеках темнела щетина, а от него пахло крепким табаком и мятной жвачкой. Рядом сияла Вера в алом платье в мелкий цветок. А у её ног, цепляясь за подол, топтался двухлетний Ванечка — крошечный, рыженький, с большими карими глазами и любимым плюшевым кроликом с голубой ленточкой на шее.

Увидев их издалека, Марк едва не провалился сквозь землю от подросткового стыда. Ну почему они вечно привлека-

ют столько внимания?!

И тут на весь школьный двор грянуло:

— С первым сентября, Маркуша! — раскатисто крикнул Дмитрий и громогласно, заразительно засмеялся, широко раскинув руки.

Марк тогда покраснел до ушей, но когда Дима тяжело и крепко обнял его за плечи, прижимая к себе так, что хрустнули рёбра, и шепнул на ухо: «Ничего, орёл, прорвёмся» — вся злость испарилась. Только Дима умел называть его так тепло.

***

Марк резко встряхнул головой, отгоняя воспоминания.

Входная дверь тихо скрипнула. В прихожей послышался шелест пакетов и тихий детский голос.

Марк встал из-за стола и вышел в коридор. Вера стояла у порога, бледная, с осунувшимся лицом, держа на руках уставшего, притихшего четырехлетнего Ваню. Рядом с открытой дверью мялась соседка по площадке, тетя Люба — она всю ночь помогала им с младшим, пока они были в больнице, а сейчас пришла поддержать, тихо всплакивая вместе с Верой.

Вера на секунду прикрыла глаза, тяжело выдохнув, затем решительно шагнула на кухню, открыла холодильник и торопливо, почти механически достала оттуда бутылку хорошего вина, припасенную к какому-то празднику.

Вернувшись в прихожую, она протянула бутылку тете Лю-

бе со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.